

В.Я.ГЕЛЬМАН

**ПРЕДИСЛОВИЕ.
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ
И СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ:
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА**

Настоящий выпуск «Политической науки» подготовлен авторами, принадлежащими к одной научной школе, факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), и в этом плане продолжает традицию представления научных и образовательных политологических центров различных регионов России¹. Статьи, написанные слушателями и недавними выпускниками аспирантской программы ЕУСПб, отражают лишь небольшую часть исследований, которые проводят сотрудники и слушатели факультета², и в данном отношении не претендуют на некую репрезентативность. Они, скорее, иллюстрируют присущие школе теоретические и методологические подходы к изучению современной российской политики.

Исследования политики в своей стране лежат в основе становления многих национальных традиций в политической науке. Достаточно назвать опыт развития американской политической науки в 1920–1930-х годах или политической науки европейских стран в 50–60-е годы¹. Российская политология 2000-х годов в этом отношении,

¹ См.: Политическая наука: Сб. науч. тр./ ИНИОН РАН. – М., 2001. – № 3.

² Более подробная информация представлена на сайте Европейского университета в Санкт-Петербурге: www.eu.spb.ru.

0-е годы¹. Российская политология 2000-х годов в этом отношении, вероятно, не представляет собой исключения. Тот факт, что проблематика современной российской политики занимает одно из ведущих мест в работах отечественных политологов, не вызывает сомнения². Хотя монополия КПСС на власть в политике и на истину в науке в России ушла в прошлое (хочется верить, навсегда³), но тем не менее дефицит исследовательских традиций, недостаток познавательных средств и способов их научного применения до сих пор остается (помимо прочих) одним из важнейших факторов, сдерживающих развитие исследований российской политики в российской политической науке. Несмотря на то, что за последнее десятилетие отечественными политологами опубликовано большое количество работ, посвященных различным аспектам современной российской политики, научные достижения в этой сфере принято оценивать как скромные, а общий уровень ряда публикаций — как весьма далекий от современных достижений мировой политической науки⁴. Показательно и то, что, хотя учебный курс, посвященный политическому процессу в России, включен в Госстандарт высшего образования по специальности «Политология» на правах обязательного, до сих пор в стране нет ни одного общепризнанного политологического учебника по этой дисциплине⁵.

Большинство публикаций российских политологов по данной проблематике можно условно сгруппировать вокруг двух весьма удаленных друг от друга в познавательном плане «полюсов». На одном

---

¹ Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р., Клингеманна Х.-Д. — М., 1999. — С. 83–96; Comparative European politics: the story of a profession / Ed. by Daalder H. — L.; N.Y., 1997.

² См. обзор: Пляйс Я. Творческий потенциал российского политологического сообщества: (Основные направления исследований) // Полис. — М., 1999. — № 6. — С. 144–163.

³ См., например: Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Батыгина Г. — СПб, 1999.

⁴ См. Шестопал Е.Б. Трансформация политологического сообщества в современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. — 1999. № 1. — С. 83–101; Состояние и перспективы развития политологии в России // Полис. — М., 2000. — № 1. — С. 142–160.

⁵ Единственным исключением может служить учебник В.Согрина, выполненный в рамках исторической, а не политической науки. См.: Согрин В. Политическая история современной России, 1985–2001: От Горбачева до Путина. — М., 2001.

«полюсе» находятся многочисленные атеоретические работы, посвященные описанию и/или анализу текущих аспектов политического процесса – начиная от мониторинговых хроник политического развития регионов России и кончая всевозможными опросами избирателей об их предвыборных намерениях. Как правило, работы такого рода направлены не столько на приращение теоретического знания, сколько на решение прикладных задач, связанных с политическим консультированием, маркетингом и т.д. Хотя содержащаяся там информация и необходима для научных исследований российской политики, ее интерпретации порой поверхностны и недостаточны для политологического осмысления, происходящего в стране. Другой «полюс» представлен теоретически фундированной научной эссеистикой, призванной объяснить едва ли не все прошлое, настоящее и будущее России на основе тех или иных концептов различного уровня обобщений. Многие из этих работ не только не основаны на эмпирических исследованиях, но иногда даже в таковых и не нуждаются; содержащиеся в них суждения об «уникальности» российской политики (или, реже, о ее безусловной подчиненности неким единым мировым законам) самодостаточны и призваны служить скорее самовыражению авторов, чем поискам научных доказательств. В результате в российской политологии возникает постоянно углубляющийся разрыв между «абстрактным эмпиризмом» и «высокой теорией». Так было в американских социальных науках, которые Ч.Р.Миллз подверг уничтожающей критике еще в 1950-е годы¹.

Нельзя сказать, что подобная ситуация является для политической науки чем-то новым. Скорее всего, речь идет о естественной «болезни роста» российской политологии, и преодолеть ее можно с помощью испытанных теоретических и методологических средств. К ним относится прежде всего использование в качестве познавательных инструментов различных теорий среднего уровня². В политической науке арсенал таких теорий уже давно и справедливо ассоциируется с достижениями современной сравнительной политологии³. Речь идет не только об использовании для изучения российской политики систематических кросс-национальных сравнений (хотя значительный

¹ Миллз Ч. Социологическое воображение. – М., 1998. – С. 36–92.

² Merton R. Social theory and social structure. – N.Y., 1968. – P. 5–6.

³ Ильин М. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. – М., 2001. – N 6. – С. 140–143.

познавательный потенциал такого рода средств остается недооцененным российскими политологами). Важнее другое — мы сможем понять общее и особенное в политическом развитии своей страны, вводя его анализ в теоретический и сравнительный контекст, сформированный современным мировым опытом политологических (и не только) исследований. В свою очередь, в подобном теоретическом и сравнительном контексте научное изучение российской политики оказывается не только целью, но и средством познания мира политического в различных его проявлениях.

Этот принцип лежит в основе наших подходов к анализу российской политики. Но простое заимствование тех или иных концептов, разработанных в рамках сравнительной политологии, для изучения политики в России (равно как и политики вообще) наталкивается на два серьезных ограничения. Первое из них было обозначено Дж. Сартори как «концептуальные натяжки» (*conceptual stretching*)¹, связанные с неадекватным применением ранее оправдавших себя теоретических моделей для решения новых познавательных задач. Иными словами, при расширении круга изучаемых явлений концепт подчас становится столь аморфным, что его смысл искажается до неузнаваемости, а ценность как инструмента познания попросту теряется. Другое ограничение на этом пути связано с нормативным уклоном, присущим ряду теорий сравнительной политологии. В его основе лежат представления о неизбежном переходе от «плохих» форм правления к «хорошим» как некоей не подвергаемой сомнению цели развития общества². При таком подходе велик риск либо выдать желаемое за действительное, либо, напротив, ужаснувшись отклонениям от идеала, без нужды пуститься в обличение реальных или воображаемых виновников всех бед России³. Но вряд ли поиски ответа на вопрос «кто виноват» в данном случае приблизят нас к ответу на вопрос «что делать». Это не значит, что от использования теорий, разработанных в рамках западной политической науки в целом и срав-

---

¹ Sartori G. Concept misformation in comparative politics // *Amer. polit. Science rev.* — Baltimore., 1970. — Vol. 64, N 4. — P. 1033–1053.

² Сходную критику см.: Капустин Б. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис.* — М., 2001. — N 4. — С. 6–26.

³ Подробнее об этом см.: Гельман В. Столкновение с айсбергом: формирование концептов в изучении российской политики // *Полис.* — М., 2001. — N 6. — С. 6–17.

нительной политологии в частности, следует отказаться вообще. Их надо просто умело применять, не впадая в крайности слепого заимствования и копирования или изобретения велосипедов¹. Условно говоря, выстраивая здания наших исследований с помощью чертежей, разработанных другими авторами, мы стараемся не забывать, что используем собственные стройматериалы.

Итак, мы полагаем, что решение задач научных исследований политики в России требует от российских политологов новой аналитической перспективы. Эта перспектива является *позитивной, эмпирической и сравнительной*. Позитивная сторона анализа здесь противостоит нормативному видению мира, эмпирическая – некритическому заимствованию чужих теорий (равно как и некритическому созданию собственных), а сравнительная – не основанная на научном знании представлениям об уникальности «особого пути России», или же, напротив, об универсальности всеобщих закономерностей. В рамках этой аналитической перспективы выполняются исследования ряда преподавателей, сотрудников и слушателей нашего факультета; результаты некоторых из них предлагаются вниманию читателей «Политической науки».

В статье *Анны Лихтенштейн «Политические партии и российский президентализм: границы применения теорий»* рассматриваются варианты сочетания различных типов президентских форм правления и партийных систем и их взаимное влияние. На основании опыта сравнительных исследований автор делает вывод о том, что стремление российских элит добиться снижения уровня партийной фрагментации – в том числе и с помощью создания «партий власти» – обусловлено институциональными эффектами президентско-парламентской формы правления. В России фактически складывается партийная система, при которой пропрезидентская партия имеет устойчивое большинство в парламенте. По мнению автора, такая система позволяет повысить эффективность политического управления, однако она содержит немалые угрозы становлению демократии в стране.

В статье *«Закон Дюверже и система относительного большинства на думских выборах»* Наталья Яргомская и Анна Лихтенштейн

---

¹ Сходную позицию см.: Радаев В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках // Pro et Contra. – М., 2000. – Т. 5, N 3. – С. 202–214.

пытаются объяснить парадокс, связанный с эффектами российской избирательной системы на парламентских выборах 1993–1999 гг. Вопреки теориям избирательных систем, выборы депутатов Государственной Думы по одномандатным округам повлекли за собой не снижение фрагментации партий и кандидатов, а, напротив, ее повышение. Авторы объясняют это явление, во-первых, внепартийным контекстом электорального соревнования в одномандатных округах, а во-вторых, стратегической мотивацией российских избирателей. Тщательный количественный анализ приводит их к выводу о том, что при голосовании за кандидатов в одномандатных округах избиратели склонны делать выбор, руководствуясь соображениями локального контекста. Они видят в своих депутатах не потенциальных членов парламентского (и тем более правительственного) большинства, а представителей данного округа, не увязывая свои предпочтения с составом легислатуры в целом.

Наталья Жидкова в статье «*Избирательная система, политические партии и представительство женщин: теоретический аспект*» отходит от культурного детерминизма, ставшего традиционным в гендерных исследованиях (в том числе в российских), для объяснения малого представительства женщин в легислатурах. В фокусе ее исследования – анализ сочетания тех институциональных и политических факторов, которые способствуют либо препятствуют выдвижению и избранию женщин депутатами представительных органов власти. Как демонстрирует автор, для российской политики сегодня это сочетание носит достаточно противоречивый характер. Хотя избирательная система в России как будто способствует продвижению женщин в легислатуры, но низкий уровень организационного развития российских партий, господство в них неформальных механизмов номинации кандидатов, тенденция централизации создают значительные барьеры на пути избрания женщин.

Если первые три статьи посвящены тем аспектам российской политики, которые связаны с борьбой за завоевание и удержание власти (politics), то последующие три статьи уделяют внимание вопросам выработки и реализации политического курса (policy). *Миланна Стрельцина* в статье «*Роль МЧС в составе исполнительной власти России*» задается вопросом о причинах и о механизмах роста влияния этого нового для России министерства, не имеющего аналогов в практике развитых стран Запада. Автор анализирует специфический

характер задач МЧС в условиях кризиса системы управления в России и предполагает, что по мере преодоления этого кризиса потребность президента и правительства страны в сверхмощном ведомстве, функционирующем по принципу «скорой помощи», вероятно, будет снижаться.

В центре статьи *Ольги Бычковой* «*Политика рыночных реформ сектора телекоммуникаций и консолидация государства в России*» находится проблема роли государственной политики в процессе экономических преобразований. Анализ реформирования телефонных компаний позволяет выявить не только неблагоприятные для развития отрасли связи последствия утраты российским правительством экономической власти в секторе, но и механизмы восстановления этой власти. Как полагает автор, именно быстрая и успешная консолидация государства, произошедшая в отрасли телефонной связи во второй половине 90-х годов, способствовала экономическому росту, что может служить примером для государственной политики в других сферах.

Но всегда ли сильный административный потенциал государства влечет за собой экономический рост? Статья *Эллы Панеях* «*Неформальные институты и использование формальных правил: закон действующий vs. закон применяемый*» дает основания для отрицательного ответа на этот вопрос. Как убедительно показывает автор, в России на микроуровне взаимодействий государства (в лице чиновников контролирующих органов) и экономических агентов возникает расхождение между содержащимися в нормативных актах положениями и практикой их применения. В результате взаимоотношения между государством и бизнесом регулируются на основе неформальных правил, одним из которых становится использование формальных институтов как орудия произвола государства по отношению к бизнесу (и к гражданам страны в целом).

Две заключительные статьи представляют собой аналитические обзоры работ российских исследователей, посвященных ключевым акторам российской политики. В статье *Владимира Гельмана и Инессы Тарусиной* «*Изучение элит в России: проблемы и альтернативы*» представлены как институциональный аспект данного научного направления, так и содержательные дискуссии вокруг исследований элит как социальной группы (стратификационные исследования) и роли элит в процессе смены политического режима (транзитологические

исследования). Авторы отмечают, что этап становления новой субдисциплины в рамках российских социальных наук завершен, но ее дальнейшее развитие наталкивается на ряд ограничений. Они вызваны, в том числе, определенной изоляцией российских исследователей от современных тенденций в политических науках, дефицитом ценностно нейтральных научных подходов и сравнительных исследований.

Статья Елены Белокуровой «*Концепции гражданского общества и современная российская политика*» рассматривает российские публикации по данной проблематике в свете сложившихся в социальных науках традиций изучения гражданского общества. Анализ многочисленных работ позволяет выявить особенности российского научного дискурса; они связаны и с колебаниями социальных ожиданий по отношению к гражданскому обществу, и с отсутствием общего научного языка среди исследователей. В силу этого, как считает автор, дискуссия вокруг гражданского общества в России носит явно монологический характер, а выработка единых критериев научного знания пока остается лишь пожеланием на будущее.

Представленные в настоящем издании работы отличаются друг от друга тематикой (от электорального поведения до государственной политики в отдельных секторах экономики), методикой (от статистического анализа до case study и фокусированных интервью) и, наконец, разными теоретическими рамками (хотя в основном и сформулированными под влиянием тех или иных версий неоинституционализма). Неудивительно, что и характер оценок и выводов авторов различается от умеренного оптимизма до горького скепсиса. Но такой научный плюрализм вполне отражает сложность и противоречивость объекта исследований. Российская политика и российское общество пережили за полтора десятилетия стремительную и радикальную трансформацию едва ли не во всех сферах. Эти процессы еще далеки от своего завершения, в то время как задачи их научного осмысления «здесь и теперь» находятся в центре внимания российской политологии.

Политической науке необходима теоретически последовательная, эмпирически доказательная и ценностно нейтральная повестка дня в изучении российской политики. Безусловно, реализация такого рода исследовательской программы может стать лишь итогом долгосрочных коллективных усилий российского и международного науч-

ного сообщества. Тем не менее мы надеемся, что наши исследования, помимо прочего, помогут сделать еще один шаг в этом направлении.